

Все эти мысли — и даже больше — продолжали мучить ее весь оставшийся день и всю ночь. Она не позвонила Патрику и не спросила его об этом... пока нет... она хотела привести свои мысли в порядок, прежде чем столкнуться с ним лицом к лицу с тем, что она увидела.

Патрик, с другой стороны, сходил с ума. Разве она не видела трусики? Может быть, она видела их и просто не может заставить себя поговорить с ним об этом. Должен ли он что-то сказать? Он не мог этого сделать, иначе она бы узнала, что это была просто большая подстава. Итак, он придержал язык. Как бы ни было трудно не начать дискуссию о том, что она, возможно, видела, он никак не мог сделать это так, чтобы она не узнала — или, по крайней мере, не заподозрила — что он ее подставил.

Два дня спустя Эшли позвонила и предложила принести китайскую еду на вынос в Patrick's в пятницу вечером. Патрик, конечно, согласился.

В пятницу, когда Патрик накрывал на стол и расставлял столовое серебро, они с мамой лениво обсуждали прошедший день. Эшли выпила бокал вина и прошлась по кухне, зашла в столовую и гостиную. Подойдя к двери в спальню Патрика, она заглянула внутрь и сказала: - Ну... эта комната определенно выглядит опрятнее, чем в последний раз, когда я ее видела.

Патрик покраснел.

- Да, еще раз спасибо, что принесла мне куртку, - пробормотал он. - И извини, что в комнате был такой беспорядок. Я обычно убираю её перед уходом на работу.

Он задавался вопросом, было ли это началом разговора о том, что, как он надеялся, она видела, но не был уверен. Как бы это ни было неприятно, он позволил тишине повиснуть. Когда они сели за стол, в их разговоре, казалось, стало немного больше скованности. Наконец, Эшли начала обсуждать слона в комнате.

- Я случайно увидела, что ты сохранил мою фотографию в бикини, - начала она. - Я была немного удивлена, увидев это... и еще больше удивилась, увидев это рядом с парой, как я полагаю, моих трусиков, - сказала она, делая большой глоток вина.

Патрик был готов к этому разговору. Он разыграл различные способы, которыми она могла бы отреагировать, когда заговорит об этом, и у него были ответы, подготовленные для любого из сценариев. Он не знал, куда она пойдет дальше со своими комментариями, но он знал сообщение, которое хотел донести, независимо от того, как она подошла к теме.

- Да, - начал он. - Когда я вернулся домой той ночью, я был очень смущен и был почти уверен, что ты их видела. Я думаю, все, что я могу сказать, это то, что мне жаль, что ты столкнулась с ними вот так, - сказал он, тяжело вздыхая.

- И это все? - спросила Эшли. - Тебе жаль, что я их видела? А как насчет сожаления о том, что ты взял мои трусики? Или сожаления, что использовал мою фотографию, чтобы сделать... то

самое? - зашипела она.

Патрик немного подождал, прежде чем ответить.

- На самом деле, мама, я не могу сказать, что сожалею об этих вещах, - откровенно сказал он, глядя ей в глаза. - Я сказал тебе, что считаю тебя красивой женщиной, и я ничего не могу с этим поделать, но иногда я думаю о тебе как о женщине, а не только как маме. Ты попросила меня сделать ту фотографию, и я не чувствую себя плохо из-за того, что могу смотреть на неё, когда думаю о тебе. Я не выставляю это на всеобщее обозрение — это только для меня. А трусики — это просто то, что я время от времени беру у тебя в займы. Ты всегда получаешь их обратно... постиранными и сложенными, - улыбнулся он.

Эшли была немного ошарашена. Она ожидала, что он будет более пристыженным... более раскаивающимся.

- Но Пи-джей, - начала она, - неправильно думать об инцесте. Я знаю, что я воспитала тебя лучше.

- Я знаю, мама, - ответил Патрик, - но я просто не могу не думать об этом. Я обещаю тебе, что я никогда не прикаснусь к тебе так, как ты не хочешь, мама, - нараспев произнес Патрик, тщательно подбирая слова. - Но ты должна понимать, что ты занимаешь особое место не только в моем сердце, но и в моей фантазии.

- Хорошо, - вздохнула Эшли. Она могла видеть, что это был не тот спор, который она могла выиграть — по крайней мере, сегодня вечером. И она восхищалась честностью и красноречием Патрика. - Я думаю, что мы можем оставить это на некоторое время, - улыбнулась она.

Остаток вечера прошел немного напряженно, но не так угнетающе. Пока они сидели на диване и смотрели фильм, смеялись над какими-то соседскими сплетнями, Патрик рассказал своей маме о паре свиданий, на которых он был. Эшли сидела на дальнем конце дивана от Патрика, но к концу фильма переместилась так, что прижалась к нему. Они поцеловали друг друга в щеку и обнялись, когда она уходила, и Патрику показалось, что, по крайней мере, его план не был полным провалом. Все, чего он надеялся достичь в ту ночь — это заставить маму поговорить с ним о том, что она видела, и дать ей понять, что он не стеснялся своих фантазий. Семя было посажено. Теперь ему нужно было терпение, чтобы позволить ему прорасти.

Когда Эшли ехала домой, она начала представлять себе Патрика, лежащего в своей постели, голого, поглаживающего то, что, как она ожидала, было приличного размера членом в её трусиках и смотрящего на ее фотографию.

"О чем он думал, когда делал это", - подумала она. Ее собственный разум начал заполнять пробелы, и она представила, как ее сын целует ее, ласкает ее грудь, опускается на нее и, в конечном счете, трахает ее.

Когда Эшли въехала на подъездную дорожку, у нее на лбу выступили капельки пота. Она приехала домой от Патрика и абсолютно ничего не помнила о поездке. Она вошла в дом, приняла теплый душ и легла в постель.

"Я могу подумать об этом завтра", - подумала она, проваливаясь в сон.

Прошло три недели, прежде чем Эшли и ее сын снова поужинали. Они время от времени разговаривали по телефону, но избегали темы использования им ее фотографии и трусиков. Патрика расстраивало, что больше не было никаких упоминаний о том, что она видела, или об их разговоре в его доме. Но он знал, что должен подождать. Он должен был позволить ей обдумать это в ее собственном темпе. Если бы он затронул эту тему до того, как она была готова, это разрушило бы его цель. Чего он не знал, так это того, что это никогда не выходило у Эшли из головы в любой момент в течение этих трех недель. В основном потому, что она была в противоречии от того, что такой красивый парень, как Патрик, нашел ее настолько привлекательной, что не мог не фантазировать о ней. Но она не могла смириться с моральным подтекстом того, насколько неправильными были такие отношения матери и сына. Только в последние несколько дней она решилась, по крайней мере на данный момент, на этический компромисс. Люди фантазировали о многих вещах, которые они никогда не осуществили бы в жизни, даже об инцесте. Пока это была просто фантазия, это никому не причиняло вреда.

"Разрешив" эту загадку, Эшли позвонила Патрику и пригласила его на ужин в пятницу вечером. Он с радостью согласился.

- Mam, я думаю, это была лучшая паста, которую ты когда-либо готовила, - вздохнул Патрик, откидываясь от стола. - Я не уверен, что ты сделала с мясным соусом на этот раз, но продолжай делать это.

- Хорошо, - рассмеялась Эшли, снова наполняя оба их бокала вином. - Оставь посуду, я помою ее позже. Расскажи мне, как твои дела.

Патрик начал рассказывать некоторые моменты с работы за последние несколько недель и пару новостей о своих друзьях, которых знала его мама.

- И как твоя личная жизнь в эти дни? - спросила Эшли.

- Примерно то же самое, - ответил Патрик. - Девушка с работы хочет пригласить меня на свадьбу на следующей неделе, - улыбнулся он. - Я сказал ей, что хорошо, но я хотел бы пойти один. Свадьбы, как правило, отличное место для перепихона, - засмеялся он.

- Держу пари, так и есть, - Эшли тоже засмеялась. - Ну, я не заметила, что у меня пропали трусики, так что, полагаю, у тебя есть все, что тебе нужно в этом отделе?

Эшли надеялась, что ее беззаботный вопрос укажет Патрику, что она смирилась с тем, что он использовал ее трусики и фото в бикини.

- Я могу справиться с тем, что у меня есть, но если ты предлагаешь... - сказал Патрик, глядя на свою маму поверх края бокала, из которого он потягивал вино. - Я был бы не против обменяться, если у тебя есть пара, которую я мог бы взять с собой домой... и... мне бы очень не помешала новая фотография.

Глаза Патрика не отрывались от его мамы, когда он высказывал свою просьбу. Ему казалось, что он видит, как рыба смотрит на его крючок с наживкой в леске, пытаюсь решить, что делать дальше. Он едва мог дышать, боясь, что любое движение нарушит момент.

Эшли почувствовала легкое головокружение от вина, но была достаточно трезва, чтобы понять, о чем спрашивает ее сын.

- Я думаю, я могу позволить тебе одолжить пару моих трусиков, если ты принесешь остальные обратно, - она покраснела. - Итак... ты хочешь еще несколько фотографий в бикини? - спросила она, чувствуя, что немного покраснела от такой перспективы.

- Что ж... я подумал... поскольку у меня уже есть твоя фотография в бикини, может быть, я мог бы сфотографировать тебя в нижнем белье, - медленно сказал он... в комнате вдруг стало очень тихо. - Это вроде как носить бикини, - объяснил он.

- Я полагаю, - прошептала Эшли, обдумывая просьбу. Она только недавно объяснила ему, что не чувствовала необходимости убежать и прикрываться. Так в чем же разница, подумала она. Действуя решительно, прежде чем она могла передумать, она ответила.

- Ты прав. Это почти то же бикини, не так ли? Я не вижу в этом вреда, - сказала она, пытаясь убедить себя, когда встала и начала расстегивать блузку.

Ее рубашка была полностью расстегнута, и Патрик мог видеть, что на ней был тот же белый непрозрачный бюстгальтер, который был на ней в тот день, когда он увидел ее одевающейся в ванной.

- Эм... мама? - вздрогнул он. - Знаешь ты это или нет, но я видел почти все твое нижнее белье. Не могла бы ты надеть этот белый кружевной бюстгальтер и трусики в тон? Ты знаешь — тот, который застёгивается спереди?

- О... да... конечно, - пробормотала она, запинаясь. - Я могу понять, почему тебе было бы более привлекательно смотреть на них, - сказала она, возвращаясь в свою комнату.